

Список использованных источников

1. Bush, D. The Petite Pallace of Pettie His Pleasure / D. Bush // The Journal of English and Germanic Philology. – 1928. – Vol. 27. – No. 2. – P. 162–169.
2. Prothero, R. E., Lord Ernle. The Light Reading of Our Ancestors: Chapters in the Growth of the English Novel / R. E. Prothero. – London: Hutchinson and Co., Ltd., 1927. – 326 p.
3. Farnham, W. England's Discovery of the *Decameron* / W. Farnham // Publications of the Modern Language Association of America. – 1924. – Vol. 39. – No. 1. – P. 123-139.
4. Robertson, D. W. A Preface to Chaucer: Studies in Medieval Perspectives / D. W. Robertson. – Princeton: Princeton University Press, 1962. – 519 p.
5. Greene, R. Morando. The Tritameron of Love. The first and second part / R. Greene. – London: John Wolfe, 1587 / Modern spelling transcript by N. Green. – 27 p. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oxford-shakespeare.com/Greene/Morando_1587.pdf (дата обращения: 21. 09. 2022).
6. Баткин, Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди / Л. М. Баткин. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – 448 с.
7. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов: в 2 ч. / Ред. С. М. Стамм. – Ч. 1. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1984. – 240 с.
8. Bembo, P. Gli Azolani / Tr. R. B. Gottfried / P. Bembo. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1954. – 200 p.

И. В. Даниленко

ИНТЕРТЕКСТ ДЖ. БОККАЧЧО И Ф. РАБЛЕ В «ОЗОРНЫХ РАССКАЗАХ» О. ДЕ БАЛЬЗАКА

Ролан Барт в своей работе «Литература и значение» сравнил литературу с Орфеем, возвращающимся из преисподней: *«пока она твердо идет вперед, зная при этом, что за ней следуют, – тогда за спиной у нее реальность, и литература понемногу вытягивает ее из тьмы неназванного, заставляет ее дышать, двигаться, жить, направляясь к ясности смысла; но стоит ей оглянуться на предмет своей любви, как в руках у нее остается лишь названный, то есть мертвый, смысл»* [1, с. 283]. Такими произведениями, которые на протяжении столетий «ведут за собой» поколения литераторов, являются «Декамерон» Джованни Боккаччо (*Giovanni Boccaccio, Decameron, 1353*) и «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле (*François Rabelais*,

Gargantua et Pantagruel, 1532–1564). При этом каждому новому поколению читателей интересны не столько *исторические* смыслы, вложенные этими авторами в свои произведения, сколько смыслы, продиктованные своеобразным диалогом прецедентного текста и текста-реципиента, локализованного в иной системе культурных координат. Такие смыслы являются подвижными, *трансисторическими* и подлежат не *реконструкции*, а *производству* как со стороны более поздних авторов, так и читателей. По этой причине литература часто служит объектом и референтом самое себя, обуславливая тем самым интертекстуальность литературного процесса.

Несмотря на то, что с момента, когда Ю. Кристева дала первое определение интертекстуальности, прошло совсем немного времени, теория интертекстуальности обогатилась целым рядом толкований и уточнений. При этом все они так или иначе подчеркивают тот факт, что интертекст подразумевает «*relation de coprésence entre deux ou plusieurs textes et le plus souvent, par la présence effective d'un texte dans un autre*» («отношения соприсутствия двух и более текстов и, чаще всего, включения одного текста в другой» – перевод мой) [2, p. 15]. Интертекст – это, прежде всего, форма произведения, которая наравне с жанром (архетекстом – термин Ж. Женетта) открывает перед читателем широкое поле возможностей прочтения и интерпретации произведения в соответствии с эрудицией читателя. Если учесть тот факт, что столь древние произведения, как «Иллиада», «Одиссея» и даже Библия уже являются интертекстами, то нет ничего удивительного в том, к ним относится малоизвестный сборник новелл О. Бальзака «Озорные рассказы» (*Contes drolatiques, 1832, 1833, 1837*).

Оноре де Бальзак (*Honoré de Balzac, 1799–1850*) – личность настолько сложная и многогранная, что его творчество можно сравнить по масштабности с наследием его кумиров: Данте, Бокаччо, Рабле. Он прошел через долгие и мучительные поиски художественного материала, творческой концепции, индивидуального стиля. Неизвестно, как сложилась бы творческая судьба Бальзака без Лафатера, Сведенборга, Кювье, Галля или Сент-Илера, без Лоры Сюрвиль или Зульмы Карро, без влияния семьи и среды, в которой он формировался. В этом исследовании мы обратились лишь к крохотной и мало кому известной части бальзаковского универсума, которая служит важной точкой опоры в гармонизации мира романской культуры.

Общеизвестно, что Бальзак – человек грандиозных проектов. В

качестве матрицы циклов своих произведений он выбирает шедевры двух великих флорентийцев треченто: Данте для «Человеческой комедии», Боккаччо для «Озорных рассказов». Молодой и пылкий Бальзак, работавший в 1830 году журналистом издания «Мода», жестко критикует своих литературных оппонентов-романтиков, упрекая их в пессимизме, нытье и меланхолии. Желая противопоставить им здоровый оптимизм, основанный на добром гальском духе, он задумал создать аналогию «Человеческой комедии», спроецированную в историю Франции X – XVIII веков, – своеобразный Декамерон XIX века. Согласно его замыслу «Человеческая комедия» и «Озорной декамерон» должны стать чем-то вроде диптиха, целиком отражающего нравы французского общества в диахронии. Таким образом, в качестве композиционной модели своего будущего сборника Бальзак берет десятидневник Боккаччо и называет его «Сто озорных рассказов». Однако уже само название свидетельствует об отходе молодого Бальзака от изящного литературного стиля Боккаччо. Бальзак назвал свои рассказы озорными (*drolatiques*) в пику модным в первой половине века романтическим и мистическим рассказам, чтобы сразу отмежеваться от тех, кто, как он уверял, разучился смеяться. Для искушенного читателя довольно редкое французское прилагательное *drolatique* послужит одновременно аллюзией на книгу иллюстраций Франсуа Депре «*Songes drolatiques de Pantagruel*», которая ошибочно приписывается Рабле, поскольку она вышла в 1565 году в издательстве Ришара Бретона, где публиковались книги Рабле. Помимо стиля бальзаковский «Декамерон» отличается от оригинального система оформления новелл. У Боккаччо рассказчики отдельных новелл являются и героями рамочного повествования, и повествователями. У Бальзака рассказчик один, но каждый десяток рассказов обрамляется прологом и эпилогом, в котором автор-повествователь беседует с читателем, отвечает критикам (впрочем, как и Боккаччо в третьем дне), рассуждает о муках творчества и шаловливом характере своей Музы. Наряду со структурой Бальзак заимствует у Боккаччо и некоторые наиболее распространенные в средневековой литературе сюжеты, тем более что новеллы Боккаччо также кишат заимствованиями и представляют собой потрясающий гигантский интертекст. Некоторыми его источниками являются тексты *Disciplina Clericalis* Пьера Альфонса, *Speculum Historiale* Винченца де Бове, в основе которых старинные повести восточного происхождения. Здесь же следует упомянуть и *Légende dorée* Якова Ворагинского, комедии Плавта

и Теренция, некоторые *Vidas* трубадуров, французские *Fabliaux*, *Métamorphoses* Апулея и многие другие произведения. Однако следует заметить, что случаев непосредственного заимствования, т.е. плагиата в «Декамероне» историками литературы обнаружено не было. Боккаччо как правило использовал мотив, довольно распространенный топос и наполнял его оригинальным содержанием. Помимо литературных интертекстов «Декамерон» насыщен реальными историями, городскими происшествиями, передающими дух тогдашней Флоренции. По такому же принципу построены и «Озорные рассказы» Бальзака, который щедро черпает свой интертекст из новелл Боккаччо и Маргариты Наваррской, Рабле, Вервиля, Деперье, д'Увиля, «Любовной истории Галлии» и «Любовных историй Генриха IV», «Комического романа» Скаррона и «Софы» Кребийона-сына, однако существенную разницу между ними определяет точка зрения повествователя. Благородное общество рассказчиков, изображенное в «Декамероне» *«состоит сплошь из таких мужчин и женщин, которые отличаются красотой, статностью и обходительностью»* (цитата из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», описывающая обитателей Телема), поэтому рассказанные ими истории о женских шалостях выглядят достаточно невинными в сравнении с беззастенчивыми плутнями коварных жен у Бальзака.

В 1832 году выходят первые десять озорных рассказов (*Premier dixain*), Бальзак обещает еще девяносто в ближайшее время. Однако публикация первого десятка была встречена более чем прохладно. Бальзака упрекают в вульгарности и непристойности, непонимании истории и нечитабельности, анахронизмах и несовременности. Несмотря на неблагоприятный прием его новелл, Бальзак продолжает неистово писать, но из ста задуманных новелл выпускает лишь тридцать: второй десяток (*Deuxième dixain*) выходит в 1833 и третий (*Troisième dixain*) – в 1837. К сожалению, его «Декамерон» остался незавершенным, равно как и «Человеческая комедия».

Между тем, несмотря на грубоватую телесность предметной фактуры и архаичный язык «Озорных рассказов», им не откажешь в известной доле элитарности и современности, поскольку именно благодаря «Озорным рассказам» Бальзак вполне вписывается в романтическую эстетику. Обращение к истории выглядит весьма в духе того времени и мало чем отличается от «романтического бегства» в «романскую старину» Вальтера Скотта или Виктора Гюго. Начало XIX столетия было связано с культом историографии и исторического знания во всех их проявлениях, благодаря чему заново были открыты

забытые авторы, к которым как раз и относятся такие глыбы, как Боккаччо и Рабле. Их переводят, печатают, комментируют, поэтому вполне понятен и энтузиазм молодого Бальзака, который в поисках новых путей развития литературы уходит от морализаторства, пафосности и нормативности литературной традиции XVII и XVIII веков, окунаясь в стихию простодушной смеховой культуры Средневековья.

Почему Бальзаку оказываются столь близки Боккаччо и Рабле? Ответ весьма прост: Ренессанс и Французская революция являются двумя ключевыми моментами на пути человека к обретению свободы, сначала интеллектуальной, а затем и социальной. Однако, считает Бальзак, человек находится только в начале этого пути, наполненном испытаниями и борьбой, но жизнь оказывается сильнее смерти и побеждает печаль, как это происходит в истории рождения Гаргантюа, который стоил смерти своей матери или в так называемой 101 новелле Боккаччо, где заботливый отец пытается уберечь сына от любви, зная, что она приносит боль. Так что же делать человеку: плакать или смеяться? – «Радоваться жизни», «Пить из источника божественного знания», – утверждают Боккаччо и Рабле, «Бросать вызов обстоятельствам, раз удалось выжить вопреки Террору и Империи», – уверен Бальзак.

В предисловии к изданию 1832 года Бальзак называет Боккаччо и Рабле своими учителями. В его заметках есть интересные рассуждения о собственном рабочем кабинете, который у него однажды будет, и где обязательно должна висеть картина «Триумф Рабле». На ней будет изображен Рабле в окружении Боккаччо, Ла Фонтена и Сервантеса. Рабле так близок Бальзаку еще и потому, что оба они – земляки, оба из Турени: Рабле – родом из Шинона, а Бальзак – из Тура. Исследователи-бальзаковеды считают, что юмористичный и сочный стиль Бальзака формируется к концу 1820-х годов, когда он глубже знакомится с пенталогией Рабле и проникается его идеями. Вне «Озорных рассказов» Бальзак упоминает Рабле в романах «Лилия долины», «Шагреновая кожа», «Кузен Понс» и в предисловии к «Физиологии брака». В «Озорных рассказах» прямые аллюзии на Рабле, кроме «Предисловия» есть в знаменитой новелле «Проповедь веселого кюре из Медона», в которой Рабле сам является одним из персонажей. Упоминания и прямые отсылки к Рабле содержатся также в прологе третьей десятки, рассказе Кюре из Азе-ле-Ридо, в котором упоминается брат Жан-Зубодробителя, прологе второй десятки,

рассказе «Три подопечных Святого Николая», где речь идет об аферах Панурга, в конце последней новеллы. Тем не менее, при чтении «Озорных рассказов» создается впечатление, что автор больше сосредоточен не столько на идеях, сколько на стиле Рабле, который придает особый колорит «Озорным рассказам».

Молодой Бальзак, неунывающий бонвиван, оптимист, разделяющий как способ решения долговых проблем Панурга, так и философию пантагрюэлизма, лаконично сформулированную оракулом Божественной бутылки одним загадочным словом, считает Рабле своим «крестным отцом». Нельзя не заметить сходство темпераментов двух великих туренцев, физическую мощь Бальзака, напоминающего Гаргантюа, его стремление к ученичеству у великого Франсуа, выразившееся, среди прочего, в пастишизации его стиля. Бальзак беззастенчиво заимствует у Рабле придуманные им слова, насыщает язык «Озорных рассказов» забавной лексикой, состоящей из архаизмов и диалектизмов, латыни, итальянизмов, неологизмов (в том числе придуманных самим Рабле), простонародных и грубых слов, придает им причудливую орфографию, то есть он фактически придумывает свой язык XVI века, используя архаичную морфологию и странные слова, которые можно было бы скорее отнести к языку вавилонскому нежели к среднефранцузскому. Именно языковая составляющая вызвала наибольшие претензии современников Бальзака. Увлечение сочным колоритом средневекового французского языка с трудом удавалось соотносить с нормами высказывания, сложившимися в классическом языке XIX века, что сделало художественную речь «Озорных рассказов» несколько искусственной и сложной для восприятия читателей.

Работая над «Озорными рассказами», Бальзак составил Глоссарий слов, придуманных Рабле и дополнил его своими (например: calembredaine, coquecigrue, quintessence, agélaste, anicroche, beluter, bornille, bouconé, bougrin, caisgne, embruncher, esguorgeter, freusser, froter le lard, houstagier, houzée, lairrer, melancholicque, mitouflé, moulin à tan, moussine, parfunct, rataconneur, rataconniculer, robidilardicque, rogaton, tabourineur, tolluz, vasquine, ventre saint Jacques, verdugalle). Глоссарий Рабле-Бальзака был опубликован целиком в приложении к изданию «Озорных рассказов» 1999 года, осуществленным книжным домом Галлимар, что значительно облегчит чтение «*ung livre de haulte digestion, plein de deduicts de grant goust, espicez pour ces goutteux trez-illustres et beuveurs trez-prétieulx*» [3; p. 11] («сей книги высокого варения, полной утех тонких и приправ пряных» – перевод Е. Трынкиной [4; с. 8]).

Стоит упомянуть также и о необыкновенном паратексте, навсегла связавшем «отца и сына» вскоре после смерти Бальзака. Это работы художника Гюстава Доре, выполнившего в 1851 году гравюры к новому изданию «Гаргантюа и Пантагрюэля», а в 1855 иллюстрации к «Озорным рассказам». Художник в своей карикатурной манере, граничащей с гротеском, блестяще схватывает характерные черты образов Рабле и Бальзака. Примечательна иллюстрация перед третьим прологом, на которой изображены беседующие Рабле и Бальзак. Доре назвал эту работу «Отец и сын», а завершил книгу изображением Бальзака в образе короля-гиганта в окружении критиков и почитателей.

Таким образом, интертексты Боккаччо и Рабле прослеживаются в «Озорных рассказах» на микро и макроуровнях. На микроуровне заимствованные включения представлены прямыми цитатами из текстов, аллюзиями на сюжеты, образами и мотивами произведений Рабле. Интертекст на макроуровне представляет собой реминисценцию на «Декамерон» Боккаччо и близкие ему сборники новелл. Среди ключевых архетекстов «Озорных рассказов» можно назвать жанры фэблио, новеллы Возрождения, роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», творческая имитация которых лежит в основе специфического пастишизированного стиля «Озорных рассказов». Очевидная близость исследованных текстов Боккаччо, Рабле и Бальзака представлена также на уровне паратекста в рамочной организации повествования и иллюстративном оформлении.

Список использованных источников

1. Барт, Р. Литература и значение / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М., 1994. – С. 276–297.
2. Genette, G. Palimpsestes : la littérature au second degré / G. Genette. – Paris: Le Seuil, 1982. – 468 p.
3. Balzac, H. de. Les Cent Contes drolatiques / H. de Balzac. – Paris : Calmann-Lévy Éditeurs, 1894. – t. I. – 202 p.
4. Бальзак, О. де. Озорные рассказы / О. де Бальзак; [пер. с фр., статья, примечания Е. В. Трынкиной] – М.: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 – 688 с.